

Первая принцесса, Фу Айминь, проснулась утром после своего замужества первой. В свадебные покои слабый утренний свет пробивался легким дымом благовоний, но под пологом кровати было еще слишком темно, чтобы разглядеть хоть что-то. Айминь, стараясь не разбудить спящих рядом людей, осторожно потянулась к тяжелой занавеси и легко приоткрыла ее, выпуская бледный солнечный луч: тут же из томной тьмы он выхватил холодными пальцами крепко спящего Фэн Жуня, спрятавшего лицо в мягких подушках, и крепкую руку на его талии — от легкого движения Яо Хуэй открыл черные, словно в них спряталась, испугавшись прихода рассвета, ночь, глаза. Яо Хуэй привык годами охранять покой Первой принцессы и днем, и ночью, потому он быстро скинул оковы сна и уже через мгновение взгляд его стал осознанным и острым.

Фу Айминь улыбнулась:

— Еще очень рано: спи. Прости, что разбудила тебя.

— Если госпожа проснулась, то и слуге не пристало валяться, — ответил Яо Хуэй непримиримым тоном — но очень тихо. Фэн Жун рядом с ним все еще спал и мужчине пришлось сначала осторожно отстраниться от него, чтобы не потревожить. Впрочем, Фэн Жун всегда спал очень крепко, а этой ночью он еще и вымотался сильнее, чем за всю прошлую свою жизнь — возня рядом его совсем не потревожила.

Яо Хуэй попросил Айминь остаться пока в постели: сам он тихо встал, облачился и покинул комнату, чтобы принести воды для умывания и разбудить служанок. Входить в господские покои им было строго запрещено со вчерашнего вечера, да и никто не хотел потревожить покой молодоженов — потому и третий человек в их постели остался незамеченным.

День выдался пасмурным и серым, а робкие лучи солнца к моменту, когда Первая принцесса встала, совсем рассеялись. Личные служанки Фу Айминь и люди семьи Фэн принесли во внешнюю сторону покоев большую кадку с укрытой теплым паром, словно жемчужным пологом, ароматной водой, но перед ней Первая принцесса задумчиво остановилась.

— Вам что-то не нравится? — тут же спросил Яо Хуэй. — Вода слишком горяча? Или мне позвать служанок, чтобы помогли вам искупаться?

— Нет, и твоей помощи будет достаточно, — ответила Айминь, но голос ее не оставила задумчивость. Взгляд чувственных глаз Первой принцессы обратился к дверям внутренних покоев. — Однако как ты думаешь: может, разбудить и Жун-эра, чтобы он привел себя в порядок без лишних глаз?

— О чем вы, принцесса? — спросил Яо Хуэй, склонив на бок голову. Такая у него была привычка, когда он спрашивал о чем-то, чего не понимал. Ростом мужчина был выше Фу Айминь на несколько голов и, смотря на нее, ему приходилось все время склоняться — зрелище в самом деле довольно забавное.

— Не понимаешь? — хитро улыбнувшись, ответила Первая принцесса. — Это ведь во дворце все были привыкшие к моим причудам: служанок я на ночь выгоняла, тебе позволяла спать в соседней комнате и часто омовением занималась в одиночестве — но тут порядки другие. Жун-эр — избалованный юноша и вдруг позовет слуг, чтобы помочь себе в омовении? А те заметят то, чего видеть им не следует?..

Только теперь Яо Хуэй понял намерения принцессы — она в самом деле на праздник драконьих лодок думала о наступлении осени. Слуги семьи Фэн выглядели умными и способным, да и своему господину, насколько Яо Хуэй успел заметить, были бесприкословно верны и не стали

бы слухов распускать — но разве избежали волнений, если бы на теле своего молодого господина после ночи с супругой увидели следы, что явно не могла оставить женщина?

В понимании кивнув друг другу, Яо Хуэй и Фу Айминь пошли будить Фэн Жуна: ночью втроем они сделали нечто, чем заниматься достойным молодым господам не следовало, потому теперь втроем же должны были разобраться с последствиями. Фэн Жун, однако, о чужих печалях не ведал и спокойно себе спал, измотанный как духом, так и телом — и просыпаться совсем не желал. С самого детства добудиться его утром для слуг было тяжелым бременем и часто из-за этого юношу журила и сестра, и бабушка, однако теперь нежелание его открывать глаза из-за усталости стало совершенно иным и, как Фу Айминь не трясла и не звала своего молодого супруга, открывать глаза он не желал, лишь неразборчиво бормоча что-то, будто отгоняя слуг.

Первая принцесса не знала, смеяться ей или плакать. Юноша на постели казался ей совершенно очаровательным, а его капризы в душе будили лишь желание подразнить его более, чем минувшей ночью — но между тем Фу Айминь понимала, что с делом лучше покончить как можно быстрее. Яо Хуэй, который во всем старался помочь своей госпоже, некоторое время наблюдал, как она пытается дозваться своего молодого мужа, а затем предложил:

— А может, прямо так отнесем его в бочку? Господин небольшой, сил мне хватит.

— Ты о котенке говоришь, или о своем хозяине? — рассмеялась Фу Айминь. Впрочем, ей понравилась эта идея за небольшой трудностью: — А вдруг, он проснется от воды, испугается и наглотается ее? Нет, такое пробуждение после первой брачной ночи слишком жестокое.

Яо Хуэй ничего жестокого в подобном не видел, но не стал спорить с Первой принцессой, и вместо этого снова предложил:

— Тогда попробуйте сказать ему что-то прямо на ухо, — и, когда Фу Айминь бросила на него непонимающий взгляд, пояснил: — Ночью я заметил, что уши у молодого господина чувствительные — вдруг поможет.

И в самом деле — стоило Фу Айминь склониться и прошептать на ухо Фэн Жуну несколько ласковых слов, он вздрогнул все телом и наконец открыл глаза. Правда, осознанности в них не было ни цуня и, слушая медленные вдумчивые объяснения Первой принцессы о том, что им теперь нужно сделать, Фэн Жун лишь глупо смотрел на нее оленьими глазами и иногда, когда она спрашивала, все ли ему понятно, сонно кивал головой. В конце речи Фу Айминь юноша качнул головой еще раз и, глубоко вздохнув, приготовился лечь обратно и снова задремать, когда внезапно на руки его вместе с легким одеялом подхватил Яо Хуэй. Фэн Жун на миг удивленно распахнул глаза и появилось в них даже что-то, напоминающее душу, но после он зевнул и уставился вперед невидящим взглядом, позволяя с собой делать все, что заблагорассудится.

— Теперь он проснулся, можно приступать, — сказал Яо Хуэй и Первая принцесса не возразила.

Мужчина принес Фэн Жуна к бочке, сбросил одеяло и усадил его в воду. Закатав рукава, Яо Хуэй принялся купать его, стирая следы прошедшей ночи, и Фу Айминь, немного посмотрев, присоединилась. Яо Хуэй тут же воспротивился:

— Это не ваша забота, принцесса, обождите в стороне. Я закончу и прикажу принести вам еще воды.

— Как не моя, если этот человек теперь — мой супруг? — с улыбкой спросила Фу Айминь, руки которой по локоть были в душистой пене. Она никогда не мыла других людей, потому более мешалась, чем помогала, но не чувствовала себя уязвленной. Фэн Жун то закрывал глаза, то дремал, уставившись в одну точку, потому Первая принцесса смогла вдоволь рассмотреть его и потрогать там, где вчерашней ночью постеснялась. На изящной шее Фэн Жуна яркими цветами сливы расцветали следы жарких поцелуев, верхнюю часть его спины украсили алые полосы от ногтей Первой принцессы, а нижнюю — следы от крепкой хватки пальцев Яо Хуэя. Вопреки всему, он не выглядел слабым или измотанным, наоборот, в сонных движениях немного пришедшего в себя юноши ощущались довольство и нега, а его тонкие губы украшала от иных движений мечтательная улыбка. Смотря на него такого Фу Айминь была совершенно счастлива.

Когда с омовением было окончено, Фэн Жуна облачили в легкие нижние одежды из мягкого шелка и уложили обратно, на убранную кровать: он так окончательно и не проснулся и, оказавшись вновь в объятьях подушек и одеял, в тот же миг сладко засопел. Смотря на него, Яо Хэуэй с улыбкой заметил:

— Не повезло вам, принцесса, в таком супругом: только и знает, что спит, даже вражеское войско проспать сможет! — однако, пусть Яо Хэуэй и говорил так, в голосе его сквозила нежность. Фу Айминь на его слова рассмеялась:

— Пусть отдыхает: все равно на службу сегодня не надо, а иными делами я займусь, — и, опустившись к кровати, Первая принцесса ласково поцеловала Фэн Жуна в теплую после купания щеку. Она все еще оставалась облачена лишь в легкий халат, потому от движения полы его распахнулись и, если бы юноша открыл на миг глаза, смог бы увидеть мягкие изгибы чужой груди. К его несчастью, Фэн Жун уже крепко спал.

Фу Айминь больше не стала его трогать: быстро искупавшись, она облачилась в простое платье из тонкого шелка и накинула на плечи плащ на соболином меху с вышивкой из плескающих в чистом пруду уток-мандаринок. К тому времени, как она показалась из покоев, слуги Фэн Жуна уже не находили себе места от беспокойства: от их господина не было весточки, да и его молодая жена пока не показывалась. К людям вокруг Фэн Жун был всегда добр и личных слуг почитал как своих дорогих друзей, потому они не желали дать господину выставить себя в плохом свете.

Со вчерашнего вечера Фэнцзи решила, что, когда Первая принцесса проснется, она мышкой проникнет в покои и растолкает своего любившего поспать молодого господина — но кто же знал, что этот план пойдет прахом?! С первыми лучами солнца на пороге комнат появился Яо Хуэй и строго-настрого запретил кому-либо входить внутрь. Мужчина был из сяньбийцев, потому обладал бронзовой кожей, высоким ростом и узкими черными глазами, разглядеть выражение которых не было никакой возможности. Все в поместье Фэн его боялись, и даже шустрая Фэнцзи не решилась приближаться, лишь издали смотря на вход в покои молодого господина и тревожно перебирая пальцами белоснежный платок.

— Чего же так долго? — то и дело спрашивала она мальчиков-служек, которыми заведовала. Те только пожимали плечами, ничего не говоря: они с одной стороны ничего не знали, а с другой боялись звонких затрещин Фэнцзи, если скажут что-то не то.

Когда наконец на пороге появилась Первая принцесса, Фэнцзи бросилась к ней, словно подхваченная буйным ветром, и тут же отдала все приличествующие поклоны: то и дело заглядывая за плечо девушки, пытаясь в покоях рассмотреть хоть тень своего молодого господина. Фу Айминь это, конечно, заметила, но виду не подала и лишь с мягкой улыбкой

сказала:

— Прикажи подать завтрак и позови ко мне управляющего и всех слуг своего молодого господина. К матушке Сяоху мы ходим, когда господин проснется, а пока я хочу поговорить со всеми вами.

Фэнцзи поджала губы, но послушаться не посмела и побежала отдавать распоряжения. Пусть это именно Фу Айминь вошла в их дом и была теперь младшей невесткой, она оставалась Первой принцессой и статус ее был выше чем даже у матушки Сяоху и покойного старшего господина. Кроме того, распоряжалась Фу Айминь четко и властно: в какой-то момент Фэнцзи даже показалось, что это не молодой господин взял эту женщину в жены, а она его спрятала в своих внутренних покоях: от таких мыслей горькие слезы подступили к глазам девушки, но она поспешила их сморгнуть и ничем не показала своей печали горькой судьбой Фэн Жуна.

Собрав слуг в малом зале недалеко от своих покоев, Фу Айминь неспешно позавтракала и лишь выпив чаю наконец заговорила. Слуги к тому времени уже извелись внутри, решив, что не угодили чем-то в своей работе Первой принцессе, но ее слова быстро развеяли все печали. Фу Айминь не стала кичиться своим положением и, согласно традициям, вежливо поздоровалась со всеми, поздравила с прошедшей свадьбой и раздала подарки: управляющему и личным слугам Фэн Жуна по связке монет, мамкам и нянькам отрезки шелка и тонкие нити бусин величиной с ноготь ребенка, а остальным — по несколько лян серебра.

Люди были очень рады щедрости Первой принцессы и с тех пор полюбили ее, как и ушедшую в чужой дом молодую барышню. Лишь Фэнцзи, внешне поблагодарив Фу Айминь и поздравив ее со свадьбой, в душе еще лелеяла сомнения: волновалась о Фэн Жуне. Первая принцесса, что росла в императорском дворце и хорошо разбиралась в людях, заметила чужую неискренность, но не стала злиться: строптивость маленькой служанки, не променявшей на серебро верность своему молодому господину, ее очень тронула и в душе Фу Айминь даже подумала: «У достойного человека и слуги, не в пример императорским чиновникам, достойные!». С тех пор Первая принцесса всегда выделяла Фэнцзи среди прочих слуг своего мужа и очень любила, а на праздник середины осени даже подарила ей нефритовый браслет, пожалованный ей когда-то братом-Императором.

Но это было потом, а в сумрачное утро дня после свадьбы Фэн Жун проснулся только к полудню, когда с визитом к старшим родственникам по правилам тянуть уже было нельзя. Разбудила его Фэнцзи, которой все-таки удалось за поручениями Первой принцессы найти время, чтобы проверить своего молодого господина. Девушка зря переживала о нем: Фэн Жун сладко спал, спрятав лицо в подушках и не подозревая о чужих тревогах. Фэнцзи знала пристрастие ко сну своего молодого господина, но тут даже она удивленно всплеснула руками: пусть обычно разбудить его было сложно, да таких пор он редко спал. Неужели, заполучив красавицу-жену, Фэн Жун теперь решил всю жизнь провести в постели? Испытав долю сочувствия к Фу Айминь, Фэнцзи принялась знакомыми способами будить Фэн Жуна, стараясь управиться побыстрее. Сначала она безжалостно сбросила с него одеяло, затем опустила рядом с нахмурившимся от внезапного холода лицом юноши и принялась звать:

— Молодой господин! Молодой господин, вы так и приближение вражеской армии проспите! У вас теперь есть жена, кто же ее в таком случае защитит? Она посмотрит на вас, такого, и вернется обратно во дворец!

— Не безобразничай, — сонно отозвался Фэн Жун, приоткрыв один глаз и от холода прижав колени к груди. Надобно сказать, что теперь он пришел в себя почти сразу не от увещаний Фэнцзи, а потому что почти уже выспался: все же, Фу Айминь и Яо Хуэй будить его пытались в

третью стражу, когда к тому моменту он спал после множества приятных, но изматывающих вещей, всего несколько шеней. Сейчас во взгляде юноши появился осознанный отблеск, а в голосе — понимание.

— А как по иному, молодой господин, до вас докричаться? Первая принцесса давно уже на ногах: облачилась, позавтракала, с управляющим поговорила, дары слугам раздала и теперь ждет лишь вас, чтобы поприветствовать нашу старую госпожу! А вы тут, спите! Да у какой женщины хватит терпения оставаться с таким мужем?

— Мы лишь вчера поженились, а ты нас уже развести хочешь? — спросил Фэн Жун. — Пригнул же я на своей груди змею!

— Браните эту служанку, господин, можете даже поколотить, — со слезами на глазах отозвалась Фэнцзи. — А я только о вашем счастье думаю и благополучии! Хочу, чтобы перед молодой женой вы показались в лучшем образе, а вы!..

Под причитания Фэнцзи Фэн Жун постепенно просыпался и картины вчерашней свадьбы и ночи, что за ней следовала, словно написанные киноварью полотна вставляли перед его внутренним взором. Вчера перед своей молодой женой и с ней тоже... Фэн Жун показал многие вещи, и сомневался, что хоть какие-то его поступки Фу Айминь от него теперь смогут отвлечь: или его от нее. Фэн Жун и раньше, общаясь с Первой принцессой, знал, что за внешней прелестью она девушка властная и чувственная, но вспоминая ее короткие приказы вчера и улыбки, которые она, тяжело дышащая, с заалевшими щеками ему дарила... Пусть было все совсем не так, как рассказывали народные романы, которые Фэн Жун читал в тайне от сестры, случившееся вчера между ним, Первой принцессой и Яо Хуэем юноше очень понравилось. Он даже и не знал раньше, что так можно, а испытав, от одних лишь воспоминаний захотел продолжения.

Фэн Жун всегда был открыт с дорогими себе людьми, потому, прервав бормотания Фэнцзи, вдруг сказал ей:

— А знаешь, вчера... — однако неожиданно остановился. Не потому, что Фэнцзи оставалась молодой девушкой и знать нечто подобное ей было не положено, а потому как вдруг задумался, не будут ли Фу Айминь и Яо Хуэй против кому-то рассказать.

По выражению лица своего молодого господина Фэнцзи поняла, о чем он хотел сказать, и игриво толкнула его в плечо:

— Господин, имейте стыд! Не будете же вы в самом деле со мной обсуждать дела между мужем и женой?! — и тут же, склонившись к юноше ближе, любопытно спросила: — Неужели произошло что-то удивительное?

Фэн Жун, прищурившись, посмотрел на девушку:

— Да, ты права, негоже это с тобой обсуждать.

И, как Фэнцзи его не упрасивала, больше ничего не сказал. Да и нашлись бы слова, чтобы описать удовлетворение в его душе и радость? Пусть сердце молодого господина не лишилось в один миг всякого расстройства, пусть многое ему еще предстояло сделать и понять — он принимал это с поистине даосским спокойствием как часть жизни.

Беспокойства завтрашнего дня, и дня за ним, и будущего года... Ни о чем из этих бесполезных вещей Фэн Жун не думал, когда, облачившись и завязав волосы, вышел из комнат навстречу

ожидающим его людям. Душа молодого господина была легка и он в полной мере в этот миг осознавал, что все счастья и несчастья людей созданы их мыслями.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1768218>